

корреспонденту газеты возможность поработать на Каннском кинофестивале.

Фестиваль для французов — предмет национального престижа. К нему относятся, как к финалу футбольного кубка: «У-лю-лю, погна-ли наши городских!». Остальное ерунда, кино можно не смотреть, главное утереть нос янки, неторопливо, с сельской основательностью оседлавших широкий экран. Личность председателя жюри тут — ключевая, его слово дороже жемчуга и злата (кро-

строение, с каким комсомольский вожак из «ЧП районного масштаба» наблюдает галерею членов Политбюро: «ЖДИТЕ!» — не покину-ло его. Закончив учебу, буду-щий вождь каннского жюри ассистировал Вайде на «Каннале», взявшем, кстати, Золотую пальмовую ветвь в тех же Каннах году этак в шести-десятом. Первая же его са-мостоятельная постановка — «Нож в воде» — была преми-

зетт, среди пальм, подстри-женных под ананасы. Париж-ские сподвижники были до-вольны, Полянского называли пятым после лидеров «новой волны», актриса Шарон Тейт (американская!) не сводила с него глаз. Год спустя совсем застенчивые буржуа не стали делать фестиваль, а объявили антракт. Но Полян-скому уже не было до этого никакого дела: пока он зани-мался бизнесом в Европе,

Вместо того, чтобы отдать справки удовлетворенной ма-маше, честные доктора вы-звали полицию, и нашего ге-роя скоренько арестовали, а он только-только стал граж-данином США. Ему ломилось семь лет, умный Николсон сказал: «Ромка, тикай в Евро-пу!» — и он убежал, нару-шив подписку о невыезде. Это было глубочайшим оскорблением госдепартаменту США.

Может показаться — 1991 — 31 мая

НЕВЪЕЗДНОЙ

И ЛИШЬ ОДНА СТРАНА ТРЕВОЖИТ,
УНОСЯ ПОКОЙ И СОН...

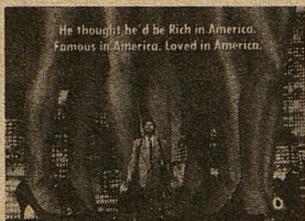
ме тех случаев, когда предсе-дателем оказывается варяг, не кинематографист — так на одном из фестивалей вежли-во игнорировались мнения Альберто Моравиа). В этом году слышно было до рассве-та, как ликовал француз: гла-вой жюри стал гражданин мира режиссер Роман Полян-ский (фамилия звучит именно так и склоняется; модифика-ция «Полянский» — это всего лишь обратный перевод, так он сам сказал). Неисправимые националисты, местные, готовы были простить ему польское происхождение и присвоить француза: все-таки парень родился в Париже, все-таки он сердцем чует то, что всем прочим следует по-нять умом: чье кино на са-мом деле лучше всех. К тому же имя его связано с до-рогим для каждого франца 68-м годом, показавшим ми-ру, что французы — они о-го-го, а не э-те-те. Но с По-лянским они просчитались. Назвать его своим могут по крайней мере четыре страны, и лишь одна из них не торо-пится это сделать, по иронии судьбы — именно та, к кото-рой он стремился всю свою жизнь. Страна Соединенные Штаты.

Многие связывают сногсши-бательный триумф не самой бесспорной картины «Бартон Финк» (Гран-при, приз за ре-жиссуру, приз за лучшую мужскую роль) именно с про-американской ориентацией предводителя жюри.

Зеленым студентом кино-школы в Лодзи Р. П. приехал на день в киностолицу — по-дышать фестивальной возду-хом, позырять. Наверно, не последним из впечатлений был самонадеянный девиз над пятизвездным отелем «Мартинес», где всегда сели-лись канские сливки: «Мы Здесь Будем!» (с тех пор По-лянский Был Здесь не менее четырех раз, но в ту ночь его денег не хватило вообще ни на какой ночлег). Однако на-

рвана на фестивале в Брюс-селе. Но памятный девиз был исполнен по-английски, и вос-ходитель не строил иллюзий, откуда дует ветер и откуда исходит угроза киномиру. Ключи от изумрудного горо-да на Лазурном берегу лежа-ли за морями-океанами, как иголка с кощевой смертью.

В 1968-м Полянский возвра-щается в Канн на белом ко-не — членом жюри, постанов-щиком англоязычных бест-селлеров «Бал вампиров», «Отращение», «Ребенок Роз-мари», пока еще с польским

He thought he'd be Rich in America. Famous in America. Loved in America.

паспортом неполноценности. В те дни Сорбонна была рас-писана марксистскими руга-тельствами, словно рождес-венская шкатулка, студенты занимались излюбленной ву-зовской забавой — перевора-чиванием автомобилей, а в Канне давала шороху крутая компания местных — Жан-Люк Годар, Луи Малль, Клод Шаброль, заводилой у них был Трюффо. Фрачный фес-тиваль бретеры дружно объ-явили буржуазной забавой, являлись на пресс-конферен-ции в латаных джинсах и бе-лых носках, пренебрегая при-личиями. Полянский, кузнец своего счастья и репутации, быстро смекнул, что его мес-то среди них, хотя и успел немного пожить при соци-ализме со всяким лицом, и да-же играл главную роль в спек-такле «Сын полка». Местные его поначалу к себе не брали, но когда он прихлился на при-ем в туфлях на босу ногу, бы-ло решено, что парень свой. Фестиваль был торжественно распушен, вручение призов заменили митингом на Круа-

банда религиозных психопа-тов под управлением Мэйсо-на в один из вечеров перере-зала на его голливудской вил-ле всех гостей, а беременную жену, ту самую Шарон, под-весила к люстре.

Возможно, эта история по-служила прологом к нынеш-нему порядку, когда любой водитель, притормозивший на жилой улице Голливуда, рис-кует оказаться под огнем личной охраны ответствен-ных квартиросъемщиков. О резонансе августовского на-лета можно судить по тому, что слова «банда Мэйсона» и по сей день употребляются без пояснений, как нечто общеизвестное.

Три года Полянский не ра-ботал и не давал о себе знать. Потом депрессия отступила, в 71-м он экранизирует «Мак-бета». Но фильмов Америке было мало, на нее нужно бы-ло постоянно производить впечатление содержательной личной жизнью. С Шарон не требовалось лезть из кожи, с Шарон достаточно было по-явиться вместе на публике, и публика понимала: если такая богиня без ума от этого но-сатого карлика — это неспро-ста. Знать, он гигант!

Полянский параллельно ра-боте начал водить шашни с малолетками, чем и добился нужного шокового эффекта. Ему он и был обязан значи-тельным процентом популяр-ности своих новых картин — система промашки не давала. Малина кончилась в марте 1977-го на даче у Джека Ни-колсона, который тоже был с подружкой, но шестнадцати лет, а это уже считалось по законам Калифорнии совер-шеннолетием. Партнерше По-лянского, фотомодели журна-ла «Вог», было только 13. На-утро ее мать, задумав опре-делить дочку в кинозвезды шантажом, привела дитя в травмпункт. Экспертиза об-наружила дефлорацию, нали-чие в крови алкоголя, нарко-тиков и режиссера Полянско-

Теперь гражданин США Р. Полянский вынужден скит-аться по Европе и возвра-щать утраченное доверие, по-тому что назад его не пуска-ют. И все-таки — «Мы Здесь Будем!».

Наиболее отвязанные жур-налисты говорили, что его тя-га к Америке носит характер вожделения. Страсть просо-читься сквозь устье Гудзона, ворота в США, сродни жела-нию повалить стоящую на этих вратах статую Свободы и проникнуть в ее собствен-ное сокровенное устье, а по-том всем рассказывать. Или даже описать детально в за-ключительной главе интимных мемуаров «Роман Полян-ского» (уже содержащих не-мало пикантных подробнос-тей о связях, например, с Настасьей Кински, да и мно-гими другими) — «МЫ ЗДЕСЬ БУДЕМ!».

«И взвизгнет в ужасе миллашка, И я, смеясь, отдам концы».

Америку всегда двигало за-комплексованное эмигрантс-во. В главных ролях там нын-че австрийский верзила Шварц, итальянская неженка Мадонна, черный попрыгун Мерфи, австралийский ве-сельчак Гибсон, полутальян-ский-полуеврейский забияка Сталлоне, и вся эта пестрота называется цветом нации. А прежде были еврей Бриннер, поляк Бронсон, русак Дуг-лас...

Этим Америка и сильна. Это сборная, играющая против слабосильных национальных клубов.

И удаленный с поля Полян-ский все равно играет за цве-та сборной.

Денис ГОРЕЛОВ,
Константин ЭРНСТ.

Наиболее активное участие в создании этого выпуска принял хорошо англоговорящий журналист, хозяин телепрограммы «Матадор», личный друг-приятель

лучшей половины жюри Константин ЭРНСТ, за что ему отдельное спасибо, что бы я без него делал. Ведущий «Курьера».